

О. А. ДЕРЖАВИНА

К проблеме поэтического стиля исторической повести начала XVII в.

Жизнь русского народа за долгие века его истории развивалась и протекала в непосредственной близости к природе. Бескрайние степи («поля широкие»), дремучие леса, синее море, небо, то ласковое, щедро посылающее солнечные лучи, то грозное, покрытое тучами, прочно вошли в сознание русского человека и питают его поэтические представления. Животный и растительный мир родной страны также давал богатую пищу для наблюдений и сопоставлений с жизнью и характерами людей. Этим объясняется постоянное использование образов из мира природы как в произведениях народной поэзии, так и в творчестве русских писателей, начиная с автора «Слова о полку Игореве» и кончая литературой наших дней.

В литературе древней Руси образы из мира природы облекались нередко в форму, навеянную влиянием книжных источников. В богослужебных книгах, в библейских легендах и в евангельских притчах, а также в переводной литературе писатели и читатели русского средневековья встречали знакомые им в жизни образы змеи, волка, ягненка, пса, свиньи, из растительного мира — цветка, колосьев, различных деревьев. Эти образы, закрепленные многовековой традицией, стали неотъемлемой частью художественно-образительных приемов древнерусской литературы.¹ Но эти книжные образы постоянно дополнялись и проверялись непосредственными впечатлениями и наблюдениями над живой природой; об этом свидетельствуют многие произведения древней Руси: вспомним соловья, с которым сравнивает вещего Бояна автор «Слова о полку Игореве»; «жаворонка-птицу», «в красные дни утеху», которого призывает автор «Задонщины»; «векшицу», которую напоминают автору «Казанской истории» русские воины, берущие приступом стены Казани...

Большое место образы природы, и в частности животный мир, занимают в русском Хронографе, где они образуют стройную систему и чаще всего символизируют собой свойства человеческого характера. Это, как указывают исследователи, придает всему изложению Хронографа необычайную экспрессивность и динамичность.

Следуя за Хронографом и повествовательной литературой предшествующих эпох, к образам природы обращаются и писатели начала XVII в. Они привлекают в свои повести о событиях «Смутного времени» небо и небесные светила, землю и море, образы растений и животных. Мир животных представлен в их произведениях исключительно богато: здесь рыбы и птицы, насекомые и пресмыкающиеся, дикие и домашние животные. Образы диких и домашних животных особенно разнообразны: мы находим

¹ См. об этом в книге В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля древней Руси» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1947).

здесь волков, вепря, дикого козла, оленя, медведя, инорога; из домашних животных упоминаются овцы, свинья, пес, жеребец, вол, бык-юнец.

Все эти образы используются для характеристики людей — участников совершающихся в стране событий, их поведения в сложившейся исторической обстановке и имеют острый политический смысл. Так, с бессловесными рыбами дьяк Иван Тимофеев сравнивает людей, не смеющих поднять голос против преступлений, совершаемых лицами, стоящими у власти: они «быша и самех рыб безгласнее», замечает писатель.²

Тщетные стремления Бориса Годунова удержаться на престоле напоминают тому же Тимофееву «паучинно ткание»;³ «прелестные письма» Самозванца он сравнивает с «ядом скорпиона»,⁴ враги расползаются по Русской земле, «яко пружи» (саранча);⁵ вельможи-льстецы окружают Годунова, «пчелам подобно, егда со своей им бывает матери»;⁶ самозванец поражает Бориса, «яко комар льва»⁷

В том же плане использованы и образы птиц. Необычное возвышение Годунова напоминает писателям полет орла: он «выспрь, яко орел, превзятся мерою»;⁸ в то же время в «Ином сказании» незадачливый царь Василий Шуйский сравнивается с «орлом бесперым, не имеющим клюва и когтей».⁹ Столица государства, Москва, — это «гнездо орле»;¹⁰ царь Шуйский, окруженный врагами в Москве, напоминает Тимофееву «пернатую в клетке»;¹¹ в «Ином сказании» с птицей в клетке сравнивается заключенный в темницу патриарх Гермоген.¹² Горлица — символ верной супруги; царица Ирина, жена царя Федора, после смерти мужа ушла в монастырь, где и вела «во мнишестве шестолетне. жития исправление, горлицы чистотою подобное».¹³

Образ овец, стада писатели XVII в. чаще всего используют, говоря о народной массе, которая должна управляться «пастырем» — правителем государства. Реже с помощью того же образа характеризуются монахи. Тимофеев называет монастырь «оградю словесных овец»,¹⁴ в «Ином сказании» иноки — это «Христово словесное стадо».¹⁵

Эпитет, чаще всего сопутствующий слову «овцы», — «бессловесные», «кроткие». По мысли Тимофеева, сила их в единении: «И овцы при ограде собираемы купно, пожирающими и зверми растакаемы неудоб, егда во своем снятии неразлучно усердием будут состадуемы тепле».¹⁶ Автор стремится доказать образом необходимость единения русских людей перед лицом врага. К тому же образу обращается Тимофеев, говоря о восставшем народе, боровшемся под знаменами Ивана Болотникова. Он замечает, что восставшие ведут себя «яко овцы бессловесные, не имуще пастырь в страх поставлена им жезла, но сами собою водитися умыслиша».¹⁷

² «Временник» Ивана Тимофеева Изд. АН СССР, М—Л, 1951 (сер. «Литературные памятники»), стр. 134

³ Там же, стр. 72

⁴ Там же, стр. 121

⁵ Там же, стр. 126

⁶ Там же, стр. 39

⁷ Там же, стр. 83

⁸ Там же, стр. 54

⁹ «Иное сказание» — РИБ, т. XIII СПб., 1909, столб. 118

¹⁰ «Временник», стр. 95

¹¹ Там же, стр. 114

¹² «Иное сказание», столб. 125

¹³ «Временник», стр. 164

¹⁴ Там же, стр. 24

¹⁵ «Иное сказание», столб. 100

¹⁶ «Временник», стр. 162

¹⁷ Там же, стр. 127

Автор «Иного сказания», изображая подвиг молодого воеводы Скопина-Шуйского, называет его «пастырем», отогнавшим от «стада» «овце-хищных волков»;¹⁸ у Тимофеева это «юнец» (молодой бык), который врагов «рогама своима сломи и на землю пасти... сотвори и от стада божия отогна».¹⁹

В первой редакции начальных глав «Сказания» Авраамия Палицына русские люди сравниваются с волами, упрямо нежелающими идти по указанному пути: «Мы же россияне паче волов упрямы обычаем: тии господина своего разумеют и питающему повинуются, мы же промышляющего нами небрежем»,²⁰ т. е. не желаем следовать указаниям «божества», по мысли писателя-монаха, направляющего человека к добру. Тимофеев использует образ вола, рисуя условия, в которых ему приходилось работать в Новгороде, захваченном врагами. Он пишет: «Но яко же и в бессловесных вол затворен и утаився всех, от затвора ишед, пажить малую обрет, во глде срывает не избирая траву, токмо еже бы ему утробу наполнити, обзираяся обоямо всюду во ужасе, да не узрится, ниже увесто будет стяжавшим и — тако ми о тайнописании в туждих сущу невольное разумей».²¹

Человека, занявшего неподобающее ему место, Тимофеев уподобляет свинье с дорогой серьгой в ноздрях: «Яко же у свиньи в ноздрех усерязь драгая видима, сице у недостойных в руку начальствия власть зрима».²²

Рисуя врагов и самозванцев, писатели обращаются к образу пса: Лжедмитрий I и Марина Мнишек — это «пес со всесквернавою сукою» («Временник»), Тушинский вор — это «злбный пес» («Иное сказание»). С псами Тимофеев сравнивает и шведов, захвативших Новгород: враг, «подобно псу тех (новгородцев, — О. Д.) ссет мозги убо: пес, идеже кость суху обрет, гложет ю».²³

Но чаще, рисуя врагов — поляков-интервентов и шведов, — писатели используют образы диких зверей. Враги-иноверцы «плотоядных зверей лютейше»,²⁴ «Яко же волцы гладнии, агнцы зряще, алчут, сице они (враги, — О. Д.) разорити желают землю нашу».²⁵ Говоря от лица Новгорода о шведах, захвативших город, Тимофеев пишет: «Лукавне, яко вебрь, тайно нощию от луга пришед... ныне же и кости ми оглода».²⁶ В другом месте, рассказывая о пребывании шведов в Новгороде, Тимофеев использует образ медведя, который, забравшись в берлогу, сосет лапу.²⁷

Враги убивают русских людей, «яко лев во ограде»;²⁸ льву уподобляются Лжедмитрий I («скимен лют»),²⁹ Тушинский вор, рыкающий, «аки лев»,³⁰ гетманы Лисовский и Сапега.³¹

Те же образы используются иногда для характеристики отрицательных персонажей из среды русского общества. Так, с медведем в берлоге

¹⁸ «Иное сказание», стлб. 118.

¹⁹ «Временник», стр. 126.

²⁰ «Сказание» Авраамия Палицына. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 265.

²¹ «Временник», стр. 118—119. Автор первой редакции начальных глав «Сказания» Авраамия Палицына использует подобный образ, характеризуя положение царя Василия Шуйского: «Яко же зверь гонимый хапля обоуду, не ведая что, тако же и царю Василию случися» («Сказание» Авраамия Палицына, стр. 270).

²² «Временник», стр. 111.

²³ Там же, стр. 78.

²⁴ Там же, стр. 125.

²⁵ Там же, стр. 162.

²⁶ Там же, стр. 78.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 119.

²⁹ Там же, стр. 83.

³⁰ «Иное сказание», стлб. 116.

³¹ «Сказание» Авраамия Палицына, стр. 158; «Повесть», приписываемая Катырев-Ростовскому. — РИБ, т. XIII, стлб. 614.

Иван Тимофеев сравнивает и Бориса Годунова, укрывшегося перед изгнанием на царство в монастырь.³² Не сочувствуя борьбе Грозного с боярством, он упрекает царя за то, что тот казнил своего родственника — князя Старицкого, главу боярского заговора: Грозный, по словам писателя, «яко лев... порази брата си напоением смертным».³³

Жестокость — основное свойство волков — дает право Тимофееву сравнить с ними и опричников, в которых он, идеолог боярства, видит темную и злую силу.³⁴

Такую же роль в памятниках начала XVII в. играют образы ядовитых змей: ехидны, аспиды, василиска (иногда яйца василиска). Они характеризуют лиц, которым авторы особенно не сочувствуют. Так, Тимофеев ехидной называет Марину Мнишек, с аспидом и василиском не раз сравниваются у него враги: шведы, захватившие Новгород, а также и изменники, предавшие город врагам, именно Михаил Татищев и Михаил Телпнев. «Не нареку Михаила, василиска же обаче, неже Михаила», — пишет Тимофеев. И в другом месте: «Предпомянутые гады два — василиска и аспид», «дела же оба яко с василиском аспиды».³⁵ С аспидом и василиском очень часто сравнивается Лжедмитрий I, именуемый писателями «растригой»: «Разжен яко от грома, пад скимен, аспиды же обаче и яйце василисково — Гришка рострига».³⁶

Значительно реже используются образы диких животных при характеристике положительных героев. Здесь на первом месте следует поставить образ инорога, с которым сравниваются обычно воины-полководцы. «Инорогом во бранех» называет Тимофеев царя Ивана Грозного, инорогу уподобляется и старший сын Грозного — Иван Иванович.³⁷ В «Сказании» Авраамия Палицына герой-крестьянин Суета, мужественно поражающий врагов, сравнивается с рысью.³⁸

Как легко убедиться из текста памятников, одни из образов животных привлекаются писателями только для характеристики положительных героев, другие — только отрицательных, третьи являются как бы нейтральными и могут быть использованы как в том, так и в другом случае; из приведенных выше образов агнец, инорог, горлица могут быть отнесены к первой группе, волк, вепрь, пес, ядовитые змеи — ко второй, вол — к третьей. Такими же нейтральными являются и образы оленя и жеребца, которые мы находим у Тимофеева. Так, с жеребцом он сравнивает и царевича Ивана Ивановича, и Бориса Годунова. В первом случае образом подчеркивается сила и самостоятельность Ивана, который, «яко некий невседаден жеребец и неприступен обуздватися, не повиную никому же, свободне ѿекая, пасяще верных толико стадо»;³⁹ во втором случае, в приращении к Борису Годунову, Тимофеев хочет показать образом, что Борис ушел с обычного пути, начал поступать по-своему, что это и привело к гибели: «узде его богом попущено бывши... отыгра бо ся, яко жеребец от стада».⁴⁰

Многие из указанных выше образов не принадлежат именно писателям XVII в. и известны из других памятников древнерусской литературы. Большая часть их восходит к библейской традиции и хронографу, некото-

³² «Временник», стр. 53.

³³ Там же, стр. 23.

³⁴ Там же, стр. 12.

³⁵ Там же, стр. 141.

³⁶ Там же, стр. 120.

³⁷ Там же, стр. 10, 19.

³⁸ «Сказание» Авраамия Палицына, стр. 159.

³⁹ «Временник», стр. 19.

⁴⁰ Там же, стр. 64.

рые — к народному творчеству. К книжным источникам ведут образы орла и голубицы, агнца, свиньи, пса, вепря, инорога, льва и волка. Образ свиньи, вслед за притчами Соломона, использовал еще Даниил Заточник;⁴¹ образ пса как чего-то нечистого, злобного встречаем и в былинах («собака Калин-царь»), и в хронографе (Фока злой царь — «бесный пес»), и в исторической повести древней Руси (в «Задонщине» «поганым псом» назван Мамай); образы орла, голубки, агнца и волков очень часто встречаются в Библии. Но, как правило, под пером писателей начала XVII в. эти традиционные метафоры и сравнения обновляются и приобретают новый, более острый политический смысл.

Сравнение с паутиной мы находим в творениях митрополита Даниила,⁴² яд скорпиона и саранча, несомненно, были известны Тимофееву из Библии, но, как мы видели, он умело использует эти образы в новом смысле, характеризует с их помощью современные ему политические события.

Писатели стремятся обновить образ, заставить по-новому звучать старую, стершуюся метафору. Это достигается чаще всего тем, что образ животного дается в действии, в движении; иногда писатель, используя сравнение, развертывает его в целую картину. Как мы указывали выше, так делает Тимофеев, описывая условия своей работы в Новгороде: он не просто сравнивает себя с волом, а рисует живую картину, дающую возможность читателю представить себе животное. То же мы видим у писателя и тогда, когда он сравнивает Самозванца и его приближенных с псами. Рисуя, как Лжедмитрий I, «недостойный», «недостойно» раздавал «недостойным» царские милости, Тимофеев пишет: «... подобно егда по случаю некако пес восхитит негде не по естеству, но снесь царску, бежит в место тайно тоя снести; прочии же пси, таково узревше восхищенное, у единого отъемлют и наслаждаются вси купно чрезъестественнаго, несвойственнаго, пожирают же растерзательно и небрежно обаче и растрашают много, прерывающе: у другаго ов отъем, ов много и ин же мало, яко ведяще бяше не свое всем; бывает бо им за се, им же от прочих в тех обидемым, изгрызатися».⁴³

Динамичны и следующие оригинальные образы, использованные Тимофеевым: Самозванец, свергнув Годунова, «яко дивий козел овна рогама сбод... на главе того, свержением посмиявся, ногами ста»;⁴⁴ Борис Годунов «о похвалех устрелен завистью, яко олень в ребра». Используя редкий образ медведя в берлоге,⁴⁵ Тимофеев строит его по-своему, оригинально: он не называет животное, а лишь намекает на него читателю, прибегая, как и в ряде иных случаев, к перифразу. Он пишет о Борисе: «... идеже превосходный славою, яко в берлозе дивия некако, лестию крыяся»,⁴⁶ но каждому ясно, о каком «дивием» звере идет здесь речь.

Не только Иван Тимофеев, но и другие писатели XVII в. стремятся в своих описаниях к конкретности, к реалистической детали. Об этом свидетельствует, например, следующая красочная картинка, созданная ав-

⁴¹ «Не лепо у свиньи в ноздрех рясы златы, тако на холопе порты дороги» (Моление Даниила Заточника. Изд. Н. Н. Зарубина. Изд. АН СССР, Л., 1932).

⁴² «Что есть течение мира сего? Вся басня, вся паутина, вся дым и трава, и цвет травный, и сень, и сон...» (Творения митр. Даниила. Рукописный отдел ГБЛ, собр. Московской синодальной библиотеки, № 985/237, л. 332).

⁴³ «Временник», стр. 89.

⁴⁴ Там же, стр. 72 (ср. стр. 48).

⁴⁵ Как указывает В. П. Адрианова-Перетц, единственный пример метафорического употребления образа медведя встречается в «Казанском летописце», где герой (Шигапей) «ят бывает (казанцами, — О. Д.) аки медведь мрежами звериными, лестию и словесы лукавыми» (Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 95).

⁴⁶ «Временник», стр. 53.

тором «Иного сказания»: воины Бориса Годунова «яко ясни соколы на серые утятя или белые кречеты носы чистят ко клеванию и вострые ногти к вонзению плотем, и крылие свое правят, и плеща протязают ко убийству птичному».⁴⁷ Именно в создании таких конкретных, реалистических описаний и помогает авторам их личное впечатление, непосредственное наблюдение над миром природы.

Это стремление к жизненности и конкретности в картинах, взятых из мира природы, отражает в памятниках начала XVII в. общий процесс, характеризующий не только литературу, но и изобразительное искусство этого периода, — процесс сближения искусства с реальной действительностью. В частности, интерес к миру природы мы можем наблюдать в миниатюре конца XVI и начала XVII в. Лицевые списки Псалтыри, выполненные в этот период, содержат целый ряд рисунков с изображениями животных. Эти изображения могут служить прекрасными иллюстрациями к образам, о которых говорилось выше: они так же разнообразны, выразительны и динамичны, как и созданные авторами исторической повести начала XVII в.⁴⁸

⁴⁷ «Иное сказание», столб. 32—33.

⁴⁸ См. Псалтырь эпохи Ивана Грозного из собрания купца И. В. Стрелкова, описанную К. Тромониным (Достопамятности Москвы. Изд. К. Тромонина, М., 1845, стр. 9, «Лицевые изображения конца XVI столетия с замечаниями на них»; особенно интересна табл. 22), а также так называемую Годуновскую Псалтырь, написанную в годы царствования Федора Ивановича и принадлежавшую Семenu Годунову (Отдел рукописей ГБЛ, ОР-78)